

Смирнов Кирилл Валентинович

ВЕЧНАЯ ТЕМА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА "ОБЛОМОВ"

В данной статье говорится о вечности как об одном из основополагающих элементов идейной модели романа И. А. Гончарова "Обломов". Проанализированы причины отстраненности Обломова, его стремления обособиться от окружающего мира; стимулирующими выступают образы пещеры, зеркала и камня. Доказано, что мечта Обломова об идеальном мире, реализованная в доме Агафьи Пшеницыной, имеет в большей степени позитивный оттенок в рамках контекста, чем негативный. Рассмотрение контекстуального элемента вечности как стремления к стабильности позволило глубже понять мотивацию поступков Обломова и точнее охарактеризовать специфику его менталитета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(58): в 3-х ч. Ч. 2. С. 44-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Московский текст в романе Пастернака пронизан мотивами метели, вьюги, снежного бурана. Повторение константных мотивов создает феномен суггестии, расширяющий их смысловой объем, далеко уводящий их от традиционной функции создания зимнего пейзажа. Усложнение семантики мотива метели определяется двойственным характером сюжета с ним связанного: один из инвариантов призван усилить впечатление завуалированного присутствия inferнальных сил, дьявольщины, в то время как другой реализует ситуацию откровения, присутствия Провидения.

Список литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М. – Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1960. Т. 3. 714 с.
2. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8-ми т. М. – Л.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1962. Т. 6. 556 с.
3. Гаспаров Б. М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука – Восточная литература, 1994. 303 с.
4. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Худож. лит-ра, 1989. Т. 1. 751 с.
5. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Худож. лит-ра, 1990. Т. 3. 734 с.
6. Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1981. Т. 2. 416 с.
7. Смирнов И. П. Пастернак «Метель» // Поэтический строй русской лирики: сб. ст. / отв. ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука, 1973. С. 238-253.
8. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: ВГУ, 2009. Вып. 1. 652 с.
9. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: Наука – Юнипресс, 2010. Вып. 2. 692 с.
10. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: Научная книга, 2011. Вып. 3. 441 с.
11. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: Научная книга, 2012. Вып. 4. 655 с.
12. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: Научная книга, 2013. Вып. 5. 598 с.
13. Универсалии русской литературы: сб. тр. Воронеж: Научная книга, 2015. Вып. 6. 639 с.
14. Универсалии русской литературы: учеб.-метод. пособие / сост. К. А. Нагина. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. 20 с.
15. Эпштейн М. Природа, мир, тайник вселенной. Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. 304 с.
16. Юкина Е., Эпштейн М. Поэтика зимы // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 171-204.

**SEMANTICS AND FUNCTIONS OF THE MOTIVE OF BLIZZARD
IN BORIS PASTERNAK'S NOVEL "DOCTOR ZHIVAGO"**

Skorospelova Ekaterina Borisovna, Doctor in Philology
Chaglyyan Shakar Kyubra

Lomonosov Moscow State University
skorospelova@gmail.com; kubra2015@inbox.ru

The article deals with the semantics and functions of the motive of blizzard in Boris Pasternak's novel "Doctor Zhivago" as a stable formal and informative component of the work and one of the universals of the Russian literature. The pretexts of the motive and the invariants of the related plots are identified. The authors reveal the determinative role of the motive of blizzard in the transformation of the fully developed in the novel concrete historical situation of the destruction of the traditional way of life in the transcendental catastrophe.

Key words and phrases: "Doctor Zhivago"; motive of blizzard and invariants of its plot; universals of Russian literature; A. S. Pushkin; "Demons"; Boris Pasternak's "Blizzard" as novel pretext.

УДК 821.161.1

В данной статье говорится о вечности как об одном из основополагающих элементов идейной модели романа И. А. Гончарова «Обломов». Проанализированы причины отстраненности Обломова, его стремления обособиться от окружающего мира; стимулирующими выступают образы пещеры, зеркала и камня. Доказано, что мечта Обломова об идеальном мире, реализованная в доме Агафьи Пиеницыной, имеет в большей степени позитивный оттенок в рамках контекста, чем негативный. Рассмотрение контекстуального элемента вечности как стремления к стабильности позволило глубже понять мотивацию поступков Обломова и точнее охарактеризовать специфику его менталитета.

Ключевые слова и фразы: символы пещеры, зеркала, камня; потусторонний мир; инициация через сон; Обломовка; отстранение; типизация; положительный или отрицательный герой.

Смирнов Кирилл Валентинович

Вологодский государственный университет
kirill_smirnov_1989@list.ru

ВЕЧНАЯ ТЕМА В РОМАНЕ И. А. ГОНЧАРОВА «ОБЛОМОВ»

Образы, созданные Гончаровым, давно приобрели статус типичных. О своем стремлении к типизации сам писатель рассказывал Ф. М. Достоевскому в одном из писем: «Под типами я разумею нечто очень

коренное – долго и надолго устанавливающееся и образующее иногда ряд поколений» [2, с. 413]. Образ Обломова давно приобрел статус типичного явления. Герой перестает быть только литературным персонажем. Его имя отождествляет определенное поведение людей. Стремясь показать отстраненного от жизни помещика, Гончаров и представить себе не мог, что спустя много лет Обломова будут сравнивать с Л. И. Брежневым [14, р. 2], проводить параллели с огромным количеством людей и даже упоминать в фильмах. Споры о том, кто такой Обломов – герой положительный или отрицательный? – не утихают до сих пор. Что для него жизнь? Есть ли в ней смысл? Виноват ли в его смерти Штольц? – вечные и, возможно, не имеющие однозначного ответа вопросы. Вечность как таковая и ее понимание Ильей Ильичом Обломовым будет предметом настоящего исследования, в рамках которого особую роль сыграли работы литературоведов Е. А. Краснощековой [5], В. А. Недзвецкого [8], М. В. Строганова [10], а также труды К. Г. Юнга [12].

Роман начинается с описания дома на Гороховой улице. «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов» [1, с. 7]. Элемент заселенности сразу же обозначен как немаловажный. Большие скопления людей становятся чем-то отталкивающим, посторонним. Обломов, принимая гостей в своей квартире, умышленно отстраняется и, будто к слову, говорит приближающемуся к нему блестящему молодому франту Волкову: «Не подходите, не подходите: вы с холода!» [Там же, с. 19]. Второй визитер, бывший сослуживец Ильи Ильича, Судьбинский удостоен точно такого же приветствия: «Не подходи, не подходи! Ты с холоду!» [Там же, с. 22]. Известно, что действие романа начинается в начале мая, поэтому об аргументации отстранения непогодой не может быть и речи.

Таким образом, уместно говорить о холоде не внешнем и даже не о холоде отталкивания (иначе Обломов бы не стал говорить с гостями, а просто мог бы сослаться на недомогание), а о холоде отстраненности. Илья Ильич будто специально отграничивает себя от мира за пределами комнаты. Причем холод становится дополнительным мотиватором происходящего: никто из гостей не озадачен проблемами Обломова. Всем им важны только их личные переживания и жизненные трудности. Остальное их не касается.

Холод выступает здесь как холод общения, холод души, не способной на обычную человеческую теплоту. Возможно, поэтому Обломов принимает у себя Тарантьева, человека грубого и алчного. В отличие от Волкова, Судьбинского, Алексея и Пенкина, Тарантьев сразу вникает в проблемы Ильи Ильича и предлагает способ их решения. В первой главе Обломову больше нужен слушатель, а не помощник, т.к. что делать и как делать, в принципе, он знает сам. О своей отдаленности от визитеров Обломов рассказывает Штольцу. По этому поводу Е. А. Краснощекова писала: «Исповедуясь другу, Илья Ильич продолжил обличение петербургского общества, начатое в первой части (“парад гостей”), но теперь герой идет дальше и пороками самой действительности оправдывает свой жизненный выбор: бегство из “мира” на диван, отказ от любой деятельности (позиция “отсутствующего”)» [5, с. 135].

Пространство романа делится на мир «здесь» и мир «там». Причем выход из мира «здесь» в мир «там» невозможен по идейным соображениям самого Ильи Ильича. Петербургское общество своей суетой и нескончаемым потоком бытовых проблем вызывает у него отторжение. И потому неслучаен сон Обломова, в котором герой оказывается в другой реальности, идеальной для него самого.

И. В. Пырков, рассуждая о сне Обломова, писал: «Знаменитый сон, который видит Обломов, – это ведь, если разобраться, его заветная родовая мета, это то, что помогает ему оставаться самим собой – всегда» [9, с. 7].

Обломовка очень похожа на петербургскую квартиру Ильи Ильича не в плане внешнем, а в плане внутреннем. Это мир, спрятанный где-то далеко-далеко от столичных городов, живущий своей, особой жизнью. Небо в Обломовке «ближе жметя к земле, но не с тем, чтобы метать сильнее стрелы, а разве только, чтоб обнять ее крепче, с любовью: оно распростерлось так невысоко над головой, как родительская надежная кровля, чтоб уберечь, кажется, избранный уголок от всяких невзгод. Солнце там ярко и жарко светит около полугода и потом удаляется оттуда не вдруг, точно нехотя, как будто оборачивается назад взглянуть еще раз или два на любимое место и подарить ему осенью, среди ненастья, ясный, теплый день» [1, с. 99]. Применительно к мифологическому миропониманию, М. Элиаде замечал: «Воспетое прошлое есть более чем просто предшествующее настоящему: оно есть его источник» [11, с. 122].

Монотонность происходящих в природе событий плавно передается обитателям Обломовки, жизнь которых так же неспешна. Волшебное начало, скрытое в обломовском мире, позволяет трактовать его как потустороннюю реальность. Причем в нее можно добраться только волшебным способом – через сон. И в этой реальности основополагающей выступает ее закрытость. Как отмечал М. В. Строганов, «жители Обломовки живут в ограниченном мире, поэтому их знания о том, что лежит за его пределами, основаны на домыслах и фантазии» [10, с. 40]. Даже самые незначительные события, через которые может осуществляться контакт с окружающим миром, вызывают отторжение: «Однажды только однообразие их быта нарушилось уже подлинно нечаянным случаем. Когда, отдохнув после трудного обеда, все собрались к чаю, вдруг пришел воротившийся из города обломовский мужик, и уж он доставал, доставал из-за пазухи, наконец насилу достал скомканное письмо на имя Ильи Ивановича Обломова. Все обомлели; хозяйка даже изменилась немного в лице; глаза у всех устремились и носы вытянулись по направлению к письму» [1, с. 133]. Рецепт обломовского пива так и остался неведом господину Радищеву.

Гармония обломовского бытия достигается только при помощи отстранения и воплощается в нем же. Вечной ценностью и смыслом жизни провозглашаются действующий порядок вещей без возможности что-либо изменить. Мир, ограниченный пространственными рамками, не допускает изменения. Даже время приобретает отличительную особенность: оно, вслед за обитателями «волшебного мира», медлительно и неспешно.

Целью обитателей Обломовки становится стремление сохранить все то, что есть здесь и сейчас. При этом прогресс воспринимается исключительно враждебно, как начало не развивающее, а разрушающее. И если Обломовка заключена в пространственные границы, то комната на Гороховой улице отграничена закрытыми занавесками. Как дополнение выступает легендарный халат Обломова, выполняющий ту же функцию – закрыться или спрятаться.

Рассуждая о пространстве в романе, В. А. Недзвецкий утверждал, что Обломов на протяжении романа с Ольгой поднимается вверх, в то время как после разрыва – опускается вниз [8, с. 56]. Итогом спуска может выступать разговор Обломова со Штольцем. Андрей Иванович называет дом Агафьи Пшеницыной ямой, т.е. низшей частью, откуда движение вниз уже невозможно. Яма обретает особое значение в контексте романа. Умышленное затемнение помещения неслучайно. Обломов будто пытается спрятаться от окружающего мира. При этом ищет наиболее темные места. В связи с этим уместно говорить о символе пещеры и специфике его реализации в романе.

В романе образ пещеры выражен имплицитно. Пещера имеет несколько символических значений. К. Г. Юнг, рассуждая о возрождении, говорил о пещере как одном из символов трансформации. Он писал: «Пещера – место возрождения, тайное помещение, в которое помещают человека для того, чтобы произошла инкубация и обновление» [12, с. 275]. Квартира Обломова своей отстраненностью от остального мира напоминает как раз пещеру со всеми свойственными ей чертами: темное помещение, спрятанное от солнца. Оно будто бы находится в другом мире, в который не проникает приходящая весна. Пыль неслучайна – налицо запустение. Книга, открытая на одной странице, не изменяет своего положения. Тарелка с остатками еды остается на том же месте, где ее оставили. «По стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина, напитанная пылью; зеркала, вместо того, чтобы отражать предметы, могли бы служить скорее скрижалями для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память. Ковры были в пятнах. На диване лежало забытое полотенце; на столе редкое утро не стояла не убранная от вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки. Если б не эта тарелка, да не прислоненная к постели только что выкуренная трубка, или не сам хозяин, лежавший на ней, то можно было бы подумать, что тут никто не живет, – так все запылилось, полиняло и вообще лишено было живых следов человеческого присутствия» [1, с. 9].

Э. Мэла сравнивает комнату Обломова со шкатулкой: «Комната-шкатулка, где все покрыто пылью и паутиной – это кокон гусеницы-Обломова, запеленутой еще и в кокон своего халата» [7, с. 31]. Гончаров особое внимание уделяет описанию «безжизненности» помещения. Прослеживается не только запустение, но и обездвиженность.

Особое значение приобретает образ зеркала, покрытого пылью. В словаре символов говорится, что зеркало «было отражением божественного слова и средством его толкования»; «Совершенные творения – это зеркала, направленные к Свету, а само зеркало – это отражение внутренней жизни» [4, с. 138].

После разговора с Захаром Обломов неожиданно задумывается о себе и своем месте в мире. «Отчего же я такой?» [1, с. 97], – спрашивает сам у себя Обломов. Этот вопрос был подготовлен сравнением себя с другими людьми. «Он углубился в сравнение себя с другим» [Там же, с. 98]. Мир квартиры на Гороховой улице своей обездвиженностью и неизменностью напоминает Обломовку. Как в зеркале, во сне Обломова отражается его настоящая жизнь. Вход в волшебный мир Обломовки возможен только через магическое действие, т.е. через обряд инициации. Переходя в мир Обломовки, Илья Ильич видит свое прошлое, ставшее основой настоящего. Фактически Гончаров изображает своеобразный палимпсест: прошлое, не до конца позабытое, восстанавливается по-новому в настоящем. И если участники и обстоятельства изменились, суть осталась прежней: ничто не должно нарушать недвижимости мира, все должно быть таким, каким было.

Образ пещеры предполагает процесс временной остановки, после чего должно начаться обновление. Обновление начинается с появления Штольца и последующих выездов из дома. Далее следует сближение с Ольгой, появление чувства и последующий разрыв. Период возрождения Обломова, перехода его из прежнего состояния в новое, оказывается невозможен после переезда на квартиру Агафьи Пшеницыной. Жизнь пассивная и отстраненная, по замечанию самого Ильи Ильича, не является для него идеалом. Но при этом идеал произрастает из такой жизни. Изменив свой образ существования, Обломов бы навсегда исключил из своего будущего идеал семьи, о котором рассказывал Штольцу. Юнг писал: «Воссоздание первоначального состояния равносильно стараниям еще раз ощутить свежесть юности» [12, с. 276].

На Выборгской стороне Обломов обретает счастье семейной жизни. Пути к этому счастью были заложены в обломовский ум в Обломовке его родителями. Измененность как идеал стала возможной в неизменном мире Выборгской стороны, более напоминающем своей отстраненностью пещеру. Прошлое стало настоящим. Путь в идеальный мир лишь подтвердил неминуемость достижения Обломовым своей цели: вечное развитие, к которому стремилась Ольга, не может быть вечным, т.к. отрицает саму суть вечности – неизменность. Она становится для Обломова наставницей. «Она миглом взвесила свою власть над ним, и ей нравилась эта роль путеводной звезды» [1, с. 231]. Но Обломову была не нужна «путеводная звезда». Он мечтал об отсутствии пути. Еще в начале романа, рассуждая о своем месте в мире, Обломов приходит к неутешительным выводам. «Ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку в росте нравственных сил, за тяжесть, мешающую всему; и зависть грызла его, что другие так полно и широко живут, а у него как будто тяжелый камень брошен на узкой и жалкой тропе его существования» [Там же, с. 96].

Несмотря на все старания Ольги, Обломов так и не сумел изменить самого себя и свое сложившееся мировоззрение, где нет места реальности, только мечты. «Лежание Ильи Ильича как нормальное состояние и есть воплощение его покорности судьбе, обрекающей реальность заменять мечтой» [6, с. 10]. Обломок старого мира, неспособный принять развитие общества Петербурга, Илья Ильич остается верен своим устремлениям. На Выборгской стороне он получает желаемое: обломовский мир почти точно воспроизведен в доме Агафьи Пшеницыной. О дублировании обстановки Обломовки на Выборгской стороне писал Э. Милтон: «Роман описывает полный круг, от мечты к мечте, от идиллии к идиллии, от сиюминутного видения о потерянном рае к его сиюминутной реализации» [13, р. 224]. Об идейной близости Обломовки и Выборгской стороны Гончаров писал в письме И. И. Льховскому: «Действие уже происходит на Выборгской стороне: надо изобразить эту выборгскую Обломовку, последнюю любовь героя и тщетные усилия друга разбудить его» [2, с. 370].

Вечность была чем-то особенным для самого Гончарова. «Вы недвижны, безмолвны, млеете перед радужными следами солнца: оно жарким прощальным лучом раздражает нервы глаз, но вы погружены в тумане поэтической думы; вы не отводите взора; вам не хочется выйти из этого мления, из неги покоя. Очнувшись, со вздохом скажешь себе: ах, если б всегда и везде такова была природа, так же горяча и так величаво и глубоко покойна! Если б такова была и жизнь!.. Ведь бури, бешеные страсти не норма природы и жизни, а только переходный момент, беспорядок и зло, процесс творчества, черная работа – для выделки спокойствия и счастья в лаборатории природы...», – рассуждал писатель во «Фрегате “Паллада”» [3, с. 105].

Вечность в романе – неизменность. Выборгская сторона становится воплощением мечты Обломова: здесь нет суеты, хаотичного движения, ничего, что могло бы нарушить покой героя. Может быть, именно в доме Агафьи Пшеницыной Гончаров изобразил идеальный мир, к которому должен стремиться каждый, мир, где царствует стабильность и где счастье построено не на годы, а на веки вечные.

Список литературы

1. **Гончаров И. А.** Обломов: роман в 4-х частях / вступ. ст. и прим. А. Г. Гродецкой. СПб.: Издательство «Пушкинский дом», 2012. 640 с.
2. **Гончаров И. А.** Очерки. Литературная критика. Письма. Воспоминания современников / сост., вступ. ст., прим. Т. В. Громовой. М.: Правда, 1986. 592 с.
3. **Гончаров И. А.** Фрегат «Паллада» // Гончаров И. А. Собр. соч.: в 6-ти т. М.: Государственное издание художественной литературы, 1959. Т. 2. 264 с.
4. **Жюльен Н.** Словарь символов. Челябинск: Урал ЛТД, 1999. 500 с.
5. **Краснощекова Е. А.** И. А. Гончаров и А. И. Герцен (к проблематике «лишнего человека») // И. А. Гончаров: материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова. Ульяновск: Обл. типография «Печатный двор», 1998. С. 134-144.
6. **Морар В. А., Соловьев Е.** Мотив античности в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Литература в школе. 2012. № 11. С. 9-11.
7. **Мэла Э.** Лень Обломова: блеск и нищета утраченной полноты // Обломов: константы и переменные: сборник научных статей / сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 30-38.
8. **Недзвецкий В. А.** Роман И. А. Гончарова «Обломов»: путеводитель по тексту: учебное пособие. М.: Издательство Московского университета, 2010. 224 с.
9. **Пырклов И. В.** Письма Обломова // Литература в школе. 2012. № 11. С. 5-8.
10. **Строганов М. В.** «Обломов» как энциклопедия народной культуры // Обломов: константы и переменные: сборник научных статей / сост. С. В. Денисенко. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 39-52.
11. **Элиаде М.** Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2010. 256 с.
12. **Юнг К. Г.** Душа и миф: шесть архетипов. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.
13. **Milton E.** Oblomov and His Creator: The Life and Art of Ivan Goncharov. Princeton: University Press, 1973. 312 p.
14. **Peace R.** Oblomov: A Critical Examination of Goncharov's Novel. Birmingham: University of Birmingham, 1991. 88 p.

THE ETERNAL THEME IN THE NOVEL BY I. A. GONCHAROV “OBLOMOV”

Smirnov Kirill Valentinovich
Vologda State University
kirill_smirnov_1989@list.ru

The article says about the eternity as one of the basic elements of the ideologic model of the novel “Oblomov” by I. A. Goncharov. The reasons of Oblomov's detachment, his striving to keep aloof from the surrounding world are analyzed; the images of a cave, mirror and stone act as the motivating ones. It is proved that Oblomov's dream about an ideal world, realized in the house of Agafia Pshenitsina, has a more positive shade than negative in the framework of the context. The examination of the contextual element of eternity as the pursuit for stability allows understanding the motivation of Oblomov's acts more deeply and characterizing the specificity of his mentality more accurately.

Key words and phrases: the symbol of a cave, mirror, stone; the other world; initiation through the dream; Oblomovka; detachment; typification; a positive or negative character.